

дино такие разные эпохи, где трагическое наличествует во всех ему присущих значениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. М. Кузмин. Валерий Брюсов // Жизнь искусства. – 1924. № 43.
2. Минералова И.Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма. – М., 1999.
3. Благой Д. Брюсов // Литературная энциклопедия: В 11 т. – Т. I. – М., 1930.
4. Минералова И.Г. От хаоса к гармонии, или между хаосом и гармонией (формы синтеза в литературе XX века) // Синтез в русской и мировой художественной культуре. – М., 2006.
5. Дмитриевская Л.Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус). Монография. – М., 2005.
6. Брюсов В.Я. Стихотворения. – М., 1996.
7. Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. — Брюссель, 1971.
8. Евангелие от Матфея. Гл. 18: 3.
9. Евангелие от Луки. Гл. 23: 34.
10. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. – Т. I. – М., 1985.
11. Минералова И.Г. Библия как книга книг и книга как художественно-семантическое целое // Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура. – М., 2004.

УДК 82.09

Павлова И.Б.

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской Академии наук*

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ — НАДЕЖДА И БОЛЬ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА *

Аннотация. Статья посвящена отношению Салтыкова-Щедрина к молодым представителям демократии 1860-1870-х гг. Вопросы о путях национального развития, о создании социального романа, поиск героя времени были во многом связаны для сатирика с молодой Россией. В русском юношестве он видел будущее страны и защищал идею нового поколения, чающего индивидуальной и социальной свободы, переустройства жизни. Салтыков-Щедрин признавал, что политическая атмосфера 1860-1870-х гг. неблагоприятна для исканий молодых демократов. Но в то же время, подобно Герцену, он резко критиковал крайности в молодежном движении.

Ключевые слова: молодое поколение, будущее России, энтузиазм, максимализм, нигилизм, радикализм.

I. Pavlova

Institute of World Literature named after M.Gorky of Russian Academy of Sciences
YOUNG GENERATION — THE HOPE AND PAIN OF SALTYKOV-SHCHEDRIN

Abstract. The article is devoted to Saltykov-Shchedrin's attitude towards young people, who took part in the democratic movement of the 1860-1870-s. The problems of the ways of national development, of the creation of social novel, the searches of the modern hero were connected for the satirist with the "young Russia". The writer defended the idea of the new genera-

tion, aspiring to the individual and social freedom, to the reorganisation of Russian reality. Saltykov-Shchedrin understood, that political atmosphere 1860-1870-s was unfavourable for the young democrats. The satirist, as his oldest contemporary Hertsen, believed that the future of Russia was connected with these young men, but sharply criticized the extremes of their movement.

Key words: young generation, the future of Russia, enthusiasm, maximalism, nihilism, radicalism.

В русской литературе, критике и публицистике пореформенных лет получила широкое развитие тема идейных поисков и блужданий молодого поколения, острых противоречий между мировоззренческими, культурными традициями и зарождающимися новыми взглядами на историю, социальные институты, личность, труд, научное знание. Т.А. Богданович в книге «Любовь людей шестидесятых годов» писала о настроениях молодежи: «Все нахлынувшие вопросы новое поколение желало решить по-своему и решить немедленно, сейчас же, не считаясь ни с исторической закономерностью, ни с навыками, взглядами и потребностями всех инакомыслящих. Не считаясь также с тем, как они сами, деятели нового поколения, будут поняты и восприняты другими, не только врагами, но даже временными союзниками — прогрессистами сороковых годов, т. е. поколением "отцов"».

* © Павлова И.Б.

Никогда до сих пор “дети“ не порывали так дерзко с отцами, притом с отцами, принявшими их на первых порах в открытые объятия» [2]. Отличительной чертой времени, считает исследовательница, было то, что тогда «идеи приобрели действенность, силу, пламенность страстей» [2, с. 12].

Салтыков-Щедрин внес весомый вклад в разработку этой темы. Вопросы о путях национального развития, о создании социального романа, поиск героя времени были во многом связаны для него с юной Россией, новой разночинной интеллигенцией. Своеобразие позиции писателя заключалось в том, что он, подобно Некрасову, Герцену, Огареву, принадлежал в социальной типологии эпохи «к тем людям сороковых годов, которые приняли революционно-демократическую идеологию шестидесятых годов, но приняли осложненно, именно вследствие своей связи с поколением людей сороковых годов» [4, с. 65]. В развернувшихся спорах о молодежи Салтыков-Щедрин выступил как ее горячий защитник и одновременно нелицеприятный судья. Что представляет собой молодое поколение, каковы его чаяния, возможности и судьбы — вопрос не только к обществу, но и к русскому юношеству, считал Салтыков-Щедрин. Начался сложный процесс пробуждения самосознания молодежи. Для сатирика было бесспорным, что стремление самостоятельно мыслить и действовать — это естественное право молодого поколения. Однако при этом просветитель, социальный моралист исходил из убеждения, что всякое отрицание «порядка вещей», каких-либо норм жизни должно основываться на гуманистических общественных идеалах. Он решительно осуждал безответственность в словах и поступках некоторых представителей молодежи, отсутствие у них чувства меры, которые провоцировали на отпор им. Сатирик ясно видел ошибочные моменты в умонастроениях и деятельности нового поколения. Более того, он, как известно, предугадал процесс ренегатства, начавшийся в русских демократических кругах с середины 1860-х гг. В хронике «Наша общественная жизнь», декабрь 1863 года, Салтыков-Щедрин писал, что «так называемые нигилисты суть не что иное, как титулярные советники в первоначальном диком и нераскаянном состоянии, а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты» [7].

По его наблюдениям, определенная часть молодежи страдает нетерпимостью, амбициозностью, заражена доктринерством, дог-

матизмом, пренебрежительно относится к практической деятельности. Из слова «нигилизм», которое остается непроясненным для современников, некоторые представители молодого поколения сделали «знамя и занятие». Такие люди, превращающие в карикатуру любую честную идею, вредящие ее реализации, осмеяны им в сатирических образах *enfants terribles*, «вислоухих и юродствующих». В оценках этого явления Салтыков-Щедрин сближается с Достоевским. Несмотря на то, что в шестидесятые годы оба писателя много и резко полемизировали, они безошибочно улавливали все мелкое, пошлое в общественной жизни. Достоевский в статье «Ответ “Русскому вестнику“» (1861) писал, что наряду с людьми достойными, в среде прогрессистов существуют и такие, которые «суетятся, забегают вперед, исповедуют новую идею до крайностей, бездарно и грубо схватывают одни только ее верхушки, и они-то наиболее вредят всякой новой идее, опошлявая ее в глазах и без того уже враждебного к ней большинства». По мнению писателя, существование таких личностей всегда и везде неизбежно: «Прозорливый человек никогда не будет судить по этим крикунам о стойкости и истинности какой-нибудь новой прогрессивной идеи, проповедуемой в избранном меньшинстве общества лучшими его представителями» [3].

Салтыков-Щедрин немало иронизировал над суетливыми и болтливymi *enfants terribles*, едко осмеивал «вислоухих и юродствующих», «горлопанов», компрометирующих полезные начинания и юношество, «которые с ухарской развязностью прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением, и, схватив одни наружные признаки этого дела, совершенно искренно исповедуют, что в них-то и вся сила» (VI, 321). Отличительная черта «вислоухих и юродствующих», проповедующих «громко, самодовольно и с ожесточением» (VI, 323), непомерное самолюбие, самоуверенность, ограниченность. Их деятельность можно квалифицировать как пошлость, возведенную в принцип, они профанируют серьезнейшие социальные и этические вопросы современности, «...нет мысли, которой наши вислоухие не обесславили бы, нет дела, которого они не засидели бы» (VI, 325). Показательно в этом отношении их восприятие социально-утопического романа Чернышевского «Что делать?». По мнению сатирика, автор романа не избежал некоторой произвольной регламентации под-

робностей, для предугадывания и изображения которых действительность не дает еще достаточных данных. Салтыков-Щедрин не скрывал своего скептического отношения к этому. Ограниченные *enfants terribles*, «вислоухие и юродствующие» обращают внимание только на частности, из которых их более всего соблазняет перспектива работать с песнями и плясками. Ревностные не по разуму прогрессисты фетишизируют автора, делают из романа катехизис. В хронике «Наша общественная жизнь», январь 1864 года, сатирик саркастически заметил, что со временем милые нигилистки будут бестрепетной рукой рассекают трупы, напевая и приплясывая, «ибо ”со временем“, как известно, никакое человеческое действие без пения и пляски совершаться не будет» (VI, 232).

Сохранилось свидетельство добродушно-иронического отношения сатирика к энтузиастам принципов коллективизма, изложенным в романе «Что делать?», и реализующим их на практике. С. Макашин в научной биографии писателя приводит следующий рассказ Г.З. Елисеева: посещая слепцовскую коммуны, Салтыков-Щедрин окрестил серьезного человека с большой бородой (это был А.Ф. Головачев) «отцом Анфантенном» [4, с. 64, 169]. Тем самым он как бы уподобил петербургскую коммуны «менильмонтанскому семейству», история которого произвела эффект во французском обществе, но никакого ощутимого воздействия на жизнь не имела. В дальнейшем сатирик отзывался о коммуне на Знаменской улице, как о деле «совершенно ребяческом», о котором «лучше всего позабыть» (XX, 189).

Салтыков-Щедрин подверг резкой критике «птенцов» из «Русского слова» Писарева и Зайцева за позитивистский естественнонаучный подход к явлениям действительности, в котором они видели панацею от всех социальных зол, за прагматизм, утилитаризм. Для него неприемлемы абсолютизация роли науки, высокомерное равнодушие к «жизненным трепетаниям». В хронике «Наша общественная жизнь», январь 1864 года, читатели встретились с образом «чаши», до которой никак не могут дотянуться губы «птенцов». Образ был истолкован некоторыми представителями демократических кругов в оскорбительном для них смысле стремления к благам, тогда как Салтыков-Щедрин подразумевал жизнь, социально-практическую деятельность во всей ее полноте.

В очерке «Легковесные» из цикла «При-

знаки времени» (1867-1868) сатирик рисует образ резвящихся злых жеребят, подразумеваемая тех представителей молодежи, для социального поведения которых характерны дерзость, агрессивность, неуправляемость. «Нет злобы, более неотразимой, чем злоба жеребья, ибо она встает перед вами нежданно-негаданно и всегда из-за пустяков; нет злобы более неутомимой, ибо она рвет и грызет, не различая предметов и не сознавая сама, что попадает ей на зубы» (VII, 45). Протест обязательно должен быть основан на разумных началах. Кому нужна подобная «резвость», «необходимо ли топтать общественные поля?» (VII, 45), — вопрошает автор очерка. Можно ли считать плодотворным такой настрой молодежи?

К сожалению, констатировал сатирик, крайности в молодежном движении становятся причиной того, что в общественном сознании происходит смешение юношеских исканий своего пути с пропагандой аморализма, цинизма, эпатажем. Он считал, что недостатки и достоинства молодого поколения тесно связаны, являются продолжением друг друга. В рецензии «Уличная философия», в отчете «Так называемое “нечаевское дело” и отношение к нему русской журналистики» Салтыков-Щедрин защищал не радикалов-нигилистов или экстремистов, а саму идею молодого поколения, чающего индивидуальной и социальной свободы, переустройства жизни. В воспоминаниях поэта Ф. Берга рассказывается, как А.Н. Плещеев пенял Салтыкову-Щедрину за резкость его полемики с журналом «Русское слово», служащим представителем молодого поколения: «Салтыков вспылит: “Почему я должен уважать всякого самозванного “представителя”?! Есть молодежь и молодежь! Что еще за культ такой выдумали!”» [1].

Самое главное в отношении писателя к юношеству сформулировано им в уже в «Губернских очерках». В главе «Скука», во многом автобиографической по содержанию, автор вкладывает в уста героя-рассказчика вдохновенные слова: «Юношеские мечты! тщетные мечты, сколько в них, однако ж, свежести и чистоты, сколько жажды добра и истины!» (II, 225). Это была пора искренних верований, горячих убеждений. «Помню я, — вспоминает герой, — и долгие зимние вечера, и наши дружеские, скромные беседы, заходившие далеко за полночь. Как легко жилось в это время, какая глубокая вера в будущее, какое единодушие надежд и мыслей оживля-

ло всех нас! Помню я и тебя, многолюбимый и незабвенный друг и учитель наш! Где ты теперь? какая железная рука сковала твои уста, из которых лились на нас слова любви и упования?» (II, 228). Для сатирика наивный энтузиазм, искренность порывов, упований, пытливость ума, бескорыстная жажда добра и правды являются неоспоримой ценностью. Юность права потому, что она знаменует обновление, движение жизни, в ее настроениях проявляются веяния эпохи. В силу этого она заслуживает уважительного отношения и серьезного внимания.

Салтыков-Щедрин неоднократно поднимал свой голос в защиту молодых представителей разночинной интеллигенции, «мальчишек» (как язвительно называл их Катков), действующих на общественной арене. Ему импонировала их антиавторитарность, страстный поиск новых путей. Салтыкову-Щедрину принадлежит мысль, что «мальчишество» является реальной силой, поскольку на него нападают с такой яростью. А ведь тем, что жизнь движется вперед, Россия обязана молодежи. «Не будь мальчишества, не держи оно общества в постоянной тревоге новых запросов и требований, общество замерло бы и уподобилось бы заброшенному полю, которое может производить только репейник и куколь» (VI, 24). В pendant социальному типу «мальчишек» сатирик создал тип «мальчишек» – молодых бюрократов новейшей формации, пошлейшее воплощение буржуазного приспособленчества, карьеризма, рутины. В хронике «Наша общественная жизнь», март 1863 года, он предлагает читателям сатирическую биографию «мальчика» Васи Чубикова. Основные свойства этого общественного типа «благонравие», «готовность» и «почтительность». Вася Чубиков беззастенчивый, беспринципный молодой администратор пореформенного времени, вначале спекулировавший на либеральных идеях, а затем ретивый охранитель. «Мальчишки» отчаянные враги «нигилистов», с сарказмом замечает автор хроники. Они кишмя кишат в современном мире, идут по жизни, приплясывая, обманывая друг друга и мешая всякой полезной деятельности. Это «заживо разлагающиеся душонки со всем их тайным высокомерием», «целая проклятая каста, в которой трепещет и бьется один принцип – неимение никаких принципов» (VI, 311). Их появление своего рода знамение времени, полагает Салтыков-Щедрин. Деятельность таких «мальчишек»-администраторов вредоносна для страны.

Писатель-сатирик занимал активно критическую позицию и в отношении современной беллетристики, отрицательно трактующей искания нового поколения. В хронике «Наша общественная жизнь», март 1864 года, Салтыков-Щедрин с сарказмом заметил, что «образовалась целая литература, поставившая себе целью исследовать свойства ядов, истекающих из молодого поколения, или, лучше сказать, не исследовать, а представить в живых (более или менее) образах, что молодое поколение никуда не годно, что оно не имеет будущего и что оно сплошь одарено способностью испускать из себя гангрену разрушения» (VI, 315). Бесмысленное слово «нигилизм» переходит из одного органа в другой, из одного произведения в другое. После резкого изменения политической ситуации в 1862 г. появились и множатся произведения «положительного нигилизма», авторы которых предпринимают «благонамеренные» усилия противопоставить «отрицательным» типам исправленного, улучшенного нигилиста — новейшего «русского деятеля», стремящегося к скромному труду и общественному примирению. Сатирик считал фальшью попытки подобным образом трактовать проблему современного героя, связывать различные дурные «поветрия» с распространением демократических идей (см. его рецензии на пьесы Ф.Н. Устрялова, Н.И. Чернявского, повести В.П. Авенариуса).

Особое внимание Салтыков-Щедрин, критик и публицист, сосредоточил на трех популярных в шестидесятые годы антинигилистических романах «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского (1863), «Мареве» В.П. Ключникова (1864), «Некуда» Н.С. Лескова (1864), а также на романе И.А. Гончарова «Обрыв». В статье «Уличная философия. (По поводу 6-й главы 5-й части романа “Обрыв”» Салтыков-Щедрин настаивал, что писатель невольно совершил подмену: ошибки молодого поколения, неясные моменты его мирозерцания он представил как огульное отрицание всех жизненных устоев, моральных норм. По убеждению критика, роман «Обрыв» творческая неудача Гончарова, обусловленная позицией автора, которую он определил, как «дидактизм, полемизирующий в пользу интересов отживающих в ущерб интересам нарождающимся» (IX, 411).

Уже в начале семидесятых годов Салтыков-Щедрин откликнулся на первый в России гласный политический процесс над тайным обществом «Народная расправа», созданным

С.Г. Нечаевым. В сентябрьской книжке «Отечественных записок» за 1871 г. появился его отчет «Так называемое “нечаевское дело” и отношение к нему русской журналистики». В этом отчете приводились выдержки из публикаций в «Московских ведомостях», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Голосе», «Биржевых ведомостях» и «Вестнике Европы», освещающих судебный процесс. Они сопровождались вступительной заметкой и подстрочными примечаниями Салтыкова-Щедрина. Сатирик недвусмысленно дал понять о враждебном отношении консервативной и либеральной печати к участникам дела, резонно заметив, что междуусобие отечественной литературы оказалось мнимым, на самом деле все газеты и журналы совершенно едины, когда речь заходит о самосохранении. Главные выводы прессы заключаются в том, пишет публицист, что участники тайного общества ничтожны, неразвиты, служили игрушками политическим авантюристам типа Нечаева. Ни в народной массе, ни в образованном обществе эти маргиналы не могли рассчитывать на поддержку. Для русской молодежи дело нечаевцев может послужить серьезным уроком и предостережением. Самый факт, многозначительно говорит в заключение Салтыков-Щедрин, разъяснен, но читатель поймет и отдаленные причины, которые его породили. На эзоповом языке сатирика это означает, что именно «порядок вещей», политика власть предержащих провоцируют молодое поколение на противодействие, подчас в уродливых, экстремальных формах¹.

К отчету примыкает написанная ранее статья «Наши бури и непогоды», помещенная в февральской книжке «Отечественных записок» за 1870 г. В ней говорится, что среди арестованных находятся лица разных состояний, званий, занятий, объединившиеся по мотивам принципиальным, мировоззренческим. Молодое поколение восприимчиво к идеям радикальной перестройки русской жизни, ему хочется начать все с чистого листа. Публицист осмеивает обывательский, «благонамеренный» страх перед нигилистами, панические слухи, играющие провокационную роль, нагнетание тревоги, обличительный азарт периодической печати и литературы. Взгляд Салтыкова-Щедрина на молодых отрицателей, пытающихся бросить вызов status quo, выражен одним из действующих лиц очерка статьи «Наши бури и непогоды» добродушной тетешкой героя-рассказчика Марьей Осиповой Самопаловой: «Время ныне стало бойкое

противу прежнего, — говорила она мне. — Все везде разбирают, все критикуют. Видно, что свету в миру, противу прежнего, гораздо прибыло. Только жить от этого не легче стало. Лбом стены не прошибешь. Свет попадает в немногие головы, и темноты по-прежнему все видимо-невидимо. Светлячки бедные и гибнут напрасно» (IX, 184). Тревога за молодое поколение звучит в первом очерке цикла «Недоконченные беседы» («Между делом») (1873). Салтыков-Щедрин с прискорбием указывает, что взросло и преуспевает множество буржуазных приспособленцев, карьеристов, людей, стремящихся к всевозможным благам, а юноши, встающие в оппозицию к существующему строю, гибнут. В результате герой цикла Глухов говорит, что вообще не видит молодого поколения, то есть будущего.

Однако такие выступления отнюдь не означали, что сатирик допускает тактику насилия, террора. Из опыта событий 1860-х начала 1870-х гг. выросло отношение Салтыкова-Щедрина к взрыву экстремизма последующих лет. Это явление противоречило его гуманистическим, просветительским взглядам. Кроме того, он ясно понимал, что подобные методы борьбы ведут к жестким ответным репрессивным мерам со стороны правительства. В письме к А.Н. Островскому от 14 апреля 1878 г. сатирик высказался так: «Каракозов и Засулич — вот российские историографы, которые, в особенности, будут памятны русской печати, которая, по обыновению, за все про все отдувается» (XIX-1, 76-77). (Историографы у Салтыкова-Щедрина — образ субъективного отношения к истории). О том, что писатель был принципиальным противником индивидуального террора свидетельствует, например, его письмо А.Н. Энгельгардту от 27 марта 1879 г., в котором он говорит о «бессмысленных убийствах и покушениях» (XIX-1, 101-102). В записи беседы В.П. Кранихфельда с Л.Ф. Пантелеевым зафиксировано: «Пантелеев сообщает, что Щедрин весьма сурово, как о глупцах, отзывался о первоапрельцах». В книге «Из воспоминаний прошлого» Л.Ф. Пантелеев писал: «Салтыков по временам даже раздражался крайне резкими суждениями насчет деятелей 1 марта. Самое меньшее, по его словам, — это были в большинстве люди крайне “ограниченные”» [6; 8].

Еще в незаконченной повести «Тихое пристанище» (начало 1862 г.), знакомя читателя с идейными убеждениями своего героя Веригина, автор говорит, что молодой разночинец

стремился освободить действительность от оков, разорвать их. Но будет ли на это соизволение истории и масс — вот мысль писателя хотя и не высказанная, однако подразумеваемая. К тому же насильственное переустройство общества может привести к результатам непредсказуемым: «А что будет потом? не выйдет ли из всего этого анархии? С горечью мы должны сказать, что Веригин хотя не отрицал уместности подобных вопросов, но отвечал на них уклончиво и как-то сомнительно улыбался при этом» (IV, 278).

Но какие бы жгучие проблемы ни стояли перед русским юношеством, Салтыков-Щедрин видел в нем надежду и будущее страны. Он соглашался, что молодое поколение живет не нормальной, а фантастической жизнью, но, по убеждению писателя, грех этот ляжет не на него, а на тех, кто сознательно или бессознательно ставит его в такое положение. У молодежи есть вера в правоту своего дела, в плодотворность подвига, в счастливое будущее человечества. «И каковы бы ни были заблуждения и увлечения молодости, будь благословенно во век ты, время светлых верований и бескорыстных, теплых упований! и пусть оскудеет рука, которая решится написать обвинительный приговор твой!» (IV, 276). Фамилии главных героев этого незавершенного произведения, Веригин и Крестников, ясно свидетельствуют об их жертвенной, добровольно страдательной, пассионарной роли.

Соратник сатирика по «Отечественным запискам» Н.К. Михайловский в одной из своих статей предлагал читателю «поискать в самих сочинениях Щедрина область того минимума отрицательных типов, которые есть вместе с тем область максимума его симпатий, надежд и доверия. Пропуская перед своею памятью длинную вереницу созданных Салтыковым образов, читатель, я полагаю, убедится, что таких областей две: во-первых, русский народ; во-вторых — русская молодежь» [5].

Салтыков-Щедрин оптимистически писал

во второй главе «Дневника провинциала в Петербурге» о будущих поколениях: «Да, мы лучше наших пращуров. Но лучше не сами по себе, а потому, что мы отцы детей наших, которые, несомненно, будут лучше и наших пращуров, и нас» (X, 298).

По мнению сатирика, справедливый взгляд на русское юношество «должен определяться общою его деятельностью, общими стремлениями, а не уклонениями и юродствами, хотя бы последних было и великое множество» (VI, 326).

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Свою точку зрения на участников нечаевского кружка, полемичную по отношению к мнениям либеральной, консервативной, демократической печати, высказал Достоевский в статье «Одна из современных фальшей», входящей в «Дневник писателя» за 1873 год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Берг Ф. Из воспоминаний прошлого. (Полемика 60-х годов. «Современник». Салтыков. «Русское слово») // «Русский листок», 1899, № 63, 6 марта. — С. 2. Принцип трактовки понятия «молодежь» Салтыковым-Щедриним близок его интерпретации понятия «народ» из письма в редакцию журнала «Вестник Европы», в котором он выделяет «народ исторический», то есть действующий на поприще истории, и народ как «воплотитель идеи демократизма». «Первый оценивается и приобретает сочувствие по мере дел своих» (XVIII-2, 85).
2. Богданович Т.А. Любовь людей шестидесятых годов. — М., 1929. — С. 6–7.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. XIX. — Л., 1979. — С. 124.
4. Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-1870-е годы. Биография. — М., 1984.
5. Михайловский Н.К. Сочинения. — Т. 6. — СПб., 1897. — Стлб. 644.
6. Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. — 1934. — С. 612.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965-1977. — Т. II, VI, IX, X, XIX-1. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.
8. Запись беседы В.П. Кранихфельда с Л.Ф. Пантелеевым // Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1975. — С. 332.